

18+

Валерий Белов

Бытие. Иосиф и его братья

Валерий Белов

Бытие. Иосиф и его братья

«Издательские решения»

Белов В.

Бытие. Иосиф и его братья / В. Белов — «Издательские решения»,

Настоящая книга является продолжением книг «Бытие. От Сотворения мира до Авраама», «Бытие. От Авраама до права первородства, украденного Иаковом» и «Бытие. Иосиф и его братья». Нумерация глав проведена в соответствии с книгой «Лучше всех или завоевание Палестины Часть 1 (Бытие)»

© Белов В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 37 Стукачества институт и его выпускник Иосиф	6
Глава 38 Онан. Как своего добиться от Иуды	28
Глава 39 Иосифа подставила жена начальника	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Бытие. Иосиф и его братья

Валерий Белов

© Валерий Белов, 2026

ISBN 978-5-0070-8835-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 37 Стукачества институт и его выпускник Иосиф

Иаков жил в земле странствия
Отцов своих. Авраам
Ещё обживал пространства те,
Но не удержался сам

На той земле изначально он.
А вслед Исаак—сынок
Препоны царьков—начальников
Преодолеть не смог.

Чиновник, администрация
Сгоняли его с земель.
Господь-бог благоприятствовал
Совсем не уйти оттель*.

Два внука слегка повздорили,
Ужиться могли с трудом.
Дорогой отцов проторенной
Исав перешёл в Едом.

Не выдержав конкуренции,
В Сеире он проживал
И с братом аудиенции
По-прежнему не желал.

Иаков, лицо достойное,
С детьми же конкретно влип,
Их действия непристойные
Ему как в носу полип.

Израиль, гость Ханаановский,
Овец промышлял бритъём,
Воспитывал по—стахановски
Иосифа и братьёв

От Валлы, Зелфы и прочих всех,
Их пестовал, как отец.
Привычками жил восточными

Любимый его малец.

До времени, как прославиться,
Папашиным был сынком
Иосиф. Умел всем нравиться,
Что выяснится потом.

В Египет от кушать нечего
Евреи шли за зерном.
Иосифу же предтечей стать
Исхода их суждено.

В Египет чрез дверь парадную
Он всю соберёт родню,
Не ведая про обратную
Великую беготню

С неволи, тюрьмы египетской.
Как только ни назовут
Семиты в своих амбициях
Исхода тот институт.

Иосиф, их символ гордости,
Свершил непосильный труд.
Но мы разглядим в подробностях,
Иосиф что был за фрукт.

В дела молодёжи тухлые
Иакова посвящал,
Мир полнил худыми слухами,
На старших братьёв стучал.

Наложницей Валлой пышною
Рувим овладел едва,
Всё видела и всё слышала
Иосифа голова.

Подробности чтоб мельчайшие
Узнал от него отец,
Моменты ловил сладчайшие
Под шкурой в углу юнец.

В оргазме Его Стукачества
Потел он под сквозняком,
Простужен наутро начисто,
Лечился не молоком.

Папаше за банку «Балтики»
Всё искренне рассказал,
Плохого Рувима-братика
Хороший Иосиф сдал.

Из первых своих отличников,
Их стимулов и простуд
Слагался, как из кирпичиков,
Стукачества институт.

Израиль любил Иосифа
По старости своих лет,
Как может любить барбосину
Детей переживший дед.

Отметил старанье мальчика
Цветастой одеждой он.
Усилиями стукачика
Спокойным был регион.

Достойное и противное —
Всё сёк он из—за угла.
Работой оперативною
Гордиться страна могла.

Почётные знаки, звания
Не выдумали пока,
В награду за все старания
Отец придел сына.

В обновочку разноцветную
Всю душу старик вложил,
Жизнь отрока неприметную
До крайности осложнил.

В прикиде крутом братья его
Завидев, борзели вмиг,
Раз любит юнца слюнявого
Иаков сильнее, чем их.

Призретою Богом Авеля
Иосиф несёт печать.
Кому это может нравиться,
Когда на тебя стучат?

Братья его ненавидели,
Травили со всех сторон,
А он дуралей наивненький
Им свой излагает сон:

Мол, «Вяжем снопы все вместе мы,
У каждого перевяжь,
Слагаем их перекрестием,
А мой закатился в грязь.

Внезапно сноп поднимается,
Становится на попу.
А ваши снопы склоняются
У ног моего снопа,

Поникшие точно лютики»...
Известно и без врача —
С подобными снами, глюками
Сидеть надо и молчать.

Кому ваша спесь понравится?
Об зависти острый нож
Рискует малец пораниться,
Цена его жизни — грош.

Братья его (суть, преступники,
Как выяснится спустя)
Поникшие в поле лютики
Иосифу не простят.

«Неужто ты будешь царствовать
Над нами?» — все в унисон —
«А может быть, даже в рабство сдать
Задумал ты нас, масон?»

Иосиф не унимается:
«При солнце и при луне
Одиннадцать поднимается
Звёзд, в ноги чтоб пасть ко мне».

Опять братья возмущаются,
И снова кипит майдан.
Неверьем объединяются
Ущербные разных стран.

«На наши здесь незалежные
Подлец посягнул права...»
И прокляли пуще прежнего
За вещие сны, слова

Иосифа незабвенного.
Добавил отец огня:
«За глупости несомненные
Ввалить бы тебе ремня.

Неужто ты веришь искренне
Что я, твоя мать, любой
Склонится лозою низкою
В поклоне перед тобой?»

Напрасно сказал о маме он,
Знать был не в себе совсем —
Сам ставил Рахили памятник
Он в городе Вифлеем,

Дубы где сплетались кронами.
А может, в наплыве дум
Другую жену законную
Он мамой имел в виду?

Иаков гнал мысли вздорные.

А вдруг прав его папан?
Когда все такие гордые,
То голод приходит сам.

Тогда на поклон к Иосифу
Потянется стар и мал,
Припомнит Великороссам он,
Кто раньше его пинал.

Но нюхать свои портяночки,
Заставить не дураков
По кругу ходить впрыскалочку —
Иосифу далеко.

Пространство на автономии
Иосифу не делить,
Огромною территорией
По прихоти не рулить.

Когда-то возможно в будущем
Такое произойдёт,
Пока же под грубым рубищем
К ним голод в страну идёт.

Так думал тогда Иаков—сан
И прочь от сплошных дилемм,
Предчувствием раздосадован,
Братьёв отослал в Сихем

Скотину пасти облезлую,
Травить инородцев рожь,
Пока без кормов болезная
Она не пошла под нож.

Иаков призвал Иосифа.
Иосиф сказал — Вот я!
«Служебная ты барбосина,
Ступай, где твои братья,

Пойди, посмотри, здоровы ли
Родимые, скот ли цел,

Покрыты ли там коровы все
Средь клевера и люцерн.

А ежели тёлки яловы,
Некрыты, а жрут мой хлеб,
Немедленно мне докладывай,
Кто их посещает хлев,

Кто в лености размножения
Не выправил мне приплод.
В чём видишь умов брожение,
Чем дышит степной народ,

С какими гуляет мыслями
Прознай, у кого прыщи,
Где, как их намерен вывести —
Мне в точности сообщи,

О виденном и услышанном
По форме пришли отчёт...»
К братьям по долине выжженной
Шёл засланный казачок

Взглянуть на своих товарищей
С Хеврона пришёл в Сихем.
Навстречу к нему блуждающий —
Куда, мол, идёшь, зачем?

К братьям как добраться посветлу,
Подробно он изложил
Прибывшему в часть Иосифу,
Блуждающим где служил.

(На верную смерть отправил он
Его, не сказав про то,
Что сам не совсем по правилам
Проведал про тех братьёв.

Их заговор без шипения
На плёнку он записал,
В надежде на повышение

Секретов не оглашал.

Блуждающим он поставлен был
Отчизну от бед спасти,
Чтоб вовремя про восстание
Иль заговор донести.

Когда ж у соседа мерина
Отравят иль украдут,
То можете быть уверены,
Заказчика не найдут).

Иосиф под путеводною
Звездой шёл к своим братьям,
Сто пятая уголовная**
Сияла над ним статья:

Убийство в лобешник посохом
В кровавом огне зарниц
И общепасным способом,
Свершённое группой лиц.

Иосифа лишь увидели,
Сказали братья: «Идёт
Навстречу своей гибели
Сновидец и звездочёт.

Пронзим его пикой острою
И бросим в пустынный ров
Зверью на обед. Посмотрим мы,
Что выгорит с его снов.

В цветастом отцовском кителе
Осталось минуты три
Иосифу до гибели,
А там ори, не ори —

Начнут юдофобы злобствовать
И встать не дадут с колен.
Откуда в них благородству быть,
Где рабский довлеет ген?

На барской отцовской скатерти
Поели они халвы,
Но род свой ведут по матери
От Валлы и от Зелфы.

Иосиф один да Веничка,
Кого родила Рахиль,
Наследственное в ком семечко
Господь в чистоте хранил.

(У ноубл***, когда случается
Без ноу***** ко бле***** любовь,
Здоровьем род укрепляется,
Но цвет свой меняет кровь.

Своё выскажу суждение:
До крови тем дела нет,
Грозит кому вырождение —
Им по фигу крови цвет.

Бабуля моя красавица
Татарской красой смугла
И барину не понравиться,
Я думаю, не могла.

Догадка меня ошпарила —
В четырнадцать лет с чего
Её выдаёт вдруг барыня
За дьякона одного?

Потом, даже знать не хочется,
Куда кто кого сволок.
Разборки, Комбед, Тамбовщина,
Где главным — тамбовский волк.

На фото с осанкой царскою
Бабуля во цвете лет,
А рядом с красой татарскою
Застыл Предкомбед*****. Мой дед

Потом, вспоминая главное,
Был выпить всегда готов...
Прошло моё детство славное
Под бой дорогих часов,

Что явно из дома барыни...
Спросил бы я у красы:
Кому и за что подарены
От Павла Буре***** часы?

Кем отняты и задвинуты
С мешком дорогих кальсон?
Не зря ж Предкомбед на снимке том
И дед мой — одно лицо.

Возможно, в опровержение,
Что я чистокровный хам,
Ещё одно подтверждение
Своим приведу словам:

У разных меньшинств значение
Имеет не голубой
Цвет кровушки, а влечения
Отсутствие или сбой.

Спросил бы у феминисток я:
Есть разница, на ваш взгляд,
Когда вас мужчины низкие
Не могут иль не хотят?)

Из нашей гнилой формации
Вернёмся к братьям скорей.
У этих с ориентацией
Всё было как у людей.

Лежать бы во рву Иосифу
В одежде цветной в крови,
Когда б не простил барбосину
По матери нобл Рувим.

Законной, но не любимую
Женой много лет была
Иакову мать Рувимова,
Сынка когда родила.

Не знал Рувим, кто с наложницей
Отцу его заложил,
А то б со смазливой рожицей
Валяться щенку во ржи.

А может быть, в наказание
Добавил отец огня —
Рувим получил задание
Иосифа охранять?

За лишнюю папиросину
Рувим обмануть посмел
Жестоких братьёв — Иосифа
Отцу возвратить хотел.

От смерти братка отмазал он:
«В законе нигде, друзья,
Про ров ничего не сказано,
А вот убивать нельзя.

Достаточно зуботычины,
Чтоб в ров веселей летать,
Об ливер отца любимчика
Не станем ножи марать».

Рувима братья послушались —
В законе авторитет
Отца поимел прислужницу
Преклонных довольно лет.

Им было за что молочного
Насильника уважать —
Когда не отцом, то отчимом
Могли бы его назвать

Сыны от отца наложницы,

Дан, Валлин и Неффалим...
Всех их уровняли ножницы
И что прилагалось к ним.

Братья дождались Иосифа,
Не ведавшего беды,
И в ров без одежды сбросили
В глубокий, но без воды.

(Пустить ли от умиления
На жалость братьёв слезу,
Зависит от положения —
Как долго пробыть внизу.

В грязи не лежать, не мучиться,
Простуду не подцепить —
Недолгое преимущество,
Ведь скоро захочешь пить.

С копытцем запрет Алёнушки
Нарушишь в конце концов
И сделаешься козлёночком
По воле других козлов).

Удачу братья отметили,
Ломали свой каравай
И ели, когда приметили
Купцов чужих караван.

Под тяжестью чуть не падая,
Верблюды брели в пыли,
Стираксу, бальзам и ладан сплошь
В Египет они везли.

(Не с жёлтым дерьмом от курицы
В Египет спешил вагон,
Где в почестях очоурился
Какой-нибудь фараон.

На глупости где астральные
Народец запал всерьёз,

На редкости ритуальные
Всегда постоянен спрос.

Сегодняшним маркетологам
Совет свой дают отцы:
Где в переизбытке олухов,
Туда и спешат купцы.

Тогда по Каирским улицам
В избытке везли бальзам.
Сегодня с дерьмом от курицы
Всех милости просим к нам).

Рувим шёл сосредоточенный,
Пытался уразуметь:
«Как сделать, чтоб при обочине
Иосиф не принял смерть?

В одежде цветной и в целости
Как сына отцу вернуть?
Как братьев в их оголтелости
Отвадить от пальцы гнуть?

А если во рву замученный
Преставится сын к утру,
Как лучше всего в том случае
Представить папаше труп

Изодранный, изувеченный?
Медведь так не задерёт.
Жестокость бесчеловечная
Тех братьев переживёт.

Из всех вариантов просится
Здесь дело обставить так:
Сломал юнцу переносицу
Больною ногой ишак,

Нет, бил не больной, а целою,
Когда тот его лечил,
На корточки ближе сел к нему,

Осёл ему и вмочил.

Всем стадом потом набросились,
Которое мы пасли,
И прочие переломы все
Иосифу нанесли...

Да нет, не поверит батя им,
Туфту не прогонишь с ним,
Вопрос задаст обязательно:
А сам ты где был, Рувим?

Как звали осла? Что делали
Другие тогда братья?...
Нет, шито всё ниткой белойю,
Сто пятая здесь статья.

Уж если ловить сто пятую,
То действовать по уму —
Юнца замочить помятого
В аффекте и одному.

Но кто в одиночку справится,
Контрольным мальчика убьёт,
В позоре потом сознается,
И всё на себя возьмёт?

Что делать с тупыми братьями?
Свидетели, наконец...
Нет, всё одно — обязательно
Расколет всех нас отец.

Завалим мы ставки очные,
Кагалом всем загремим»...
С такими вот заморочками
Гулял по степи Рувим.

Ругали братья Иосифа,
Заносчивого осла,
Чтоб ненависть их к доносчику
Слезой не изошла.

Остатки ненужной жалости
Душили братья в груди,
Завистливые от жадности
Всё ж были они людьми.

Значительно дальновиднее
Из братьев Иуда был,
С Иосифом безобиднее
Разделаться предложил:

«Что пользы, когда убийство мы
Над братом здесь совершим?
В поступке своём неистовом
Во истину согрешим.

Во рву бьётся птицей раненой
По батюшке наша плоть,
Стукачика на заклание
Нам сам отписал Господь.

Как мы на Отца духовное
Позариться не хотим,
Так наше Ему скоромное,
Что девственнице интим.

Все из интереса скроены,
Не скроен один простак.
Что толку нам, если скроем мы
Содеянное за так?

Пойдём, продадим мы мальчика.
Не будет ничьей руки,
Ни отпечатков пальчиков
На теле его, братки».

Кровинушку, брата родного
Из зависти на него
В невольники братья продали
За двадцать монет всего.

Багром извлечён из ямы той
(Спасибо, что не погиб),
Купцами—измаильтянами
Был вывезен сын в Египт.

Рувим подошёл несведущий —
Иосифа нет во рве.
В момент разорвал одежды все
И поросль на голове.

От боли свалился в обморок,
Очнулся, вокруг братья,
Вскричал вне себя: «Нет отрока,
А с ним куда денусь я?

Мне рангов, чинов, признания
Не видеть, не заслужить.
А чем прозябать без звания,
Так лучше совсем не жить!

Разбилась мечта хрустальная,
Всему подошёл конец.
Ушёл бы к служанке Валле я,
И ту отобрал отец».

Похеренные амбиции
Рувима повергли в крик
За сто децибел. Ослицы все
Решили — их будут крыть

И счастью навстречу подняли
Мерзавки свои хвосты,
Пока, наконец, не поняли:
За рёвом одни понты.

(Как Киров, отцом за рвение
Любим был Рувим—ревун
И женщин любил не менее
Чем наш племенной трибун.

Что не племенной, а пламенный,
Сказать я сейчас хотел.
И в пламени сексуальном том
Он, собственно, и сгорел.

Что Киров убит из ревности
Позволило доказать
Пятно на вождя промежности,
Кальсонах, хочу сказать.

Все семьдесят лет без умысла
В корыте за пять минут
Никто так и не додумался
Подштанники постирнуть.

И пятнышко то несвежее
Истории под лучом
Взглянуть нам дало с надеждою,
Что Сталин здесь ни при чём).

К Иосифу что относится,
Всё будет наоборот —
Бельё, что отцу подбросится,
Дознание с пути собьёт.

Братья в несомненной подлости
Во мнениях не разошлись,
Рувиму с ущербной совестью
Придумали компромисс.

Как им обмануть родителя,
Иуда совет даёт,
И нету осведомителя,
Дать делу законный ход.

(Свидетелей нет, не выжили.
Блуждающего во всём
Прочитанном Пятикнижии
Нам днём не найти с огнём.

Возможно, его за дюнами

Расформировали часть.
А я про него так думаю:
Убили в недобрый час.

Не только в одной Сицилии
Закатывали в асфальт,
Свидетелей не любили все,
Будь брат он тебе иль сват).

Одной круговой повязаны
Порукой братья. Рувим,
Юнца охранять обязанный,
Не слишком был ласков с ним,

Столкнул в ров без снисхождения,
Спасти хотел — это блеф,
Из ноблов по их рождению
Не каждый орёл и лев.

Одежду братья Иосифа
Сваляли в крови козла,
Иакову в ноги бросили...
Пробила отца слеза —

Узнал он тряпье цветастое —
Сынка, знать, задрал койот,
Сожрали волки лобастые,
Останки добрал енот.

Одежду сорвал он верхнюю
(У них — если что, так рвать,
А если печаль безмерная,
То можно ещё орать).

Из шерсти грубейшей вретища
На чресла отца легли,
Оплакивал в голос детище
Иаков лицом в пыли.

Все дети спешили спешиться,
С сочувствием подойти,

Но он не хотел утешиться,
А следом хотел сойти

К Иосифу в преисподнюю.
(Так сам говорил отец,
За что, многие не поняли,
Подобный нарёк конец

Сынку? Крайне неуместное
Сравненье употребил
И веру в Царя небесного
Стенаньем не укрепил,

Оплакал сына досрочно он.
За съеденный честный хлеб
В раю ведь лишь непорочные,
Как наши Борис и Глеб.

Зачем тогда в ад к лукавому
Иаков сойти спешил?
Не только, знать, верой-правдою
Иосиф отцу служил).

В Египет, не в преисподнюю
Везли продавать сына,
В чужом пребывал исподнем он,
Верблюжие грел бока.

Продали в работы отрока,
Хоть парень в пути ослаб.
На каменоломнях дорого
Ценился семитский раб.

А может, под стать невольнице
В притоны чужой земли
Семнадцатилетней школьницей
Иосифа привезли?

Бог весть, не скажу заранее...
В итоге из липких лап
Начальнику всех охранников

Достался сей божий раб.

В охранном бюро «Маханаим»
Когда-то тот начинал,
В Египет пришёл барханами,
Большим человеком стал.

Профессиограмм не делали
Раздетому догола,
И всё же торговцы ведали,
Что личность раба могла.

В спецслужбы сынок обрезанный
Был продан не сгоряча,
Наверное, по приезду он
Кого-нибудь застучал.

То склонность или амбиция —
Здесь спорить резона нет,
Иосиф и без милиции
Душой был внештатный мент.

(Покуда живёт агрессия
И силушка в дураках,
Древнейшая та профессия
Востребована в веках,

Отмечена бескорыстием,
Ведь не был Иуда рвач,
Когда предавал Спасителя,
Он действовал как стукач.

Жизнь смоят потопа вечности,
Последним они сметут,
Как памятник человечеству,
Стукачества институт.

Внутри глубоко упрятанный,
Наш самый большой порок,
Он глыбой навис заляпанной
По выходу из кишок.

Свернуть эту грязь до времени
И выбросить весь палас —
Не дань отдать убеждениям,
А действовать на заказ

Кого, каких сил неведомых?
Хотелось бы мне спросить
Тех, кто со своими бедами
Лубянку пришли громить

В момент для страны критический.
Дзержинского монумент,
Как символ страны фаллический,
Убрали в один момент,

Архивы сожгли без выстрелов...
Прополотое не раз
Чекистами поле быстро нам,
Вновь мерзости всходы даст.

Четвёртое поколение...
Казалось, забыть пора,
Но вскрылась в том измерении
Огромнейшая дыра.

И что? Заглянувши в скважину
Дотошный «Мемориал»
Нашёл персонально каждого,
Кто в наших отцов стрелял?

*(Верховный суд России признал «Международное общественное движение «Мемориал»
экстремистской организацией, деятельность которой на территории страны запрещена)*

Тяжёлый дух поднимается,
Что в нас столько лет молчал.
Но в чём кто намерен каяться?
В том, что не на тех стучал?

При нашей кристальной совести
И честности по уму
Как в мире прожить без подлости —

По-прежнему не пойму.

Итог с нулевой суммой,
За — против... И неспроста
Чем горше про нас я думаю,
Тем больше люблю Христа.

В день хмурый и при распутице
Светло от Его начал.
За всех Божий сын заступится,
За тех даже, кто стучал).

*Отгель — оттуда (В. Высоцкий)

**105 Статья УК РФ. Убийство

***Noble — (англ). благородный

****ноу — (англ). по — нет

*****ble — (англ). второй слог слова Noble

*****ПредкомКомбед — Председатель Комитета бедноты

*****Павел Буре — Часовщик двора Его Императорского Величества

Глава 38 Онан. Как своего добиться от Иуды

Что ни говорите, а комплекс вины
Живёт в нас, как в шизике мания,
Иначе Иуда с родной стороны
Не шёл бы к Одолламитянину.

Из дома прогнал непоседливый нрав,
А может быть, совесть замучила
Иль страх пред отцом, что Иаков, прознав
Про Осю, замочит по случаю?

За двадцать монет похотливый сатир
Взял в жёны дочь Хананеянина.
Она родила. Сыну имя дал — Ир,
Короткое как восклицание.

(Кукушка-провидица, Леты кума,
Годков накукуй на прощание.
Кукушка лишь — Ку... — Почему же так ма...?
А дальше — обоих молчание).

К жене при Иуде, к нему самому
Любви маловато в Писании.
Как имя её, до сих пор не пойму,
Ни после не встретил, ни ранее.

Опять родила, дали имя — Онан,
Вновь не угодили Всевышнему.
Прославил себя сын на множество стран,
А прожил он жизнь никудышную.

Иуда в Хезиве, жена родила,
Пока покупал удобрения.
Заочно назвал он ребёнка Шела,
Конечно, с жены одобрения.

А годы летели, сыночек—фонарь,
Ир-первенец, выше Иуды стал,
И в жёны ему отрядили Фамарь,

Известную впредь пересудами.

Но Богу тот Ир неугодным вдруг стал.
(А может, жена постаралась здесь?
Слагаются слухи подчас неспроста)...
Короче, сыночек преставился.

Есть способов много: отвар ревеня
И прочие ведьм ухищрения,
Особенно если по мужу родня
Не бросит тебя без призрения.

Как рыбам давление сжимает бока,
Мы стонем под глыбой обычая,
И тёмных страстей, эгоизма вулкан
Лишь дремлет под маской приличия.

Иуда другого сыночка зовёт,
К себе прижимая отчески,
Пикантнейшие наставленья даёт,
Вполне, впрочем, по—человечески:

«Сын—деверь, внезапно усопшего ты
Продли жизнь земную во времени
И перед вдовой не стыдись наготы,
Род брата продли своим семенем.

Женись на несчастной, мой верный Онан.
Ну, что на меня ты набычился?
Прости, брат, немного надкушен банан,
Но сам понимаешь — обычай».

Подумал Онан: «Как же так наперёд
Мой фонд семенной разбазарится?
Да лучше мой пенис на землю сольёт,
Чем семя другому достанется».

Онан оказался Федот, да не тот —
Впустую отца наставления
Про семя для брата, про славный их род.
Какое тут восстановление?

Входил к жене брата, способный вполне
Долг брата вернуть ей играючи,
А вместо — подлец тербил свой конец,
Кончал, даже не начинаючи.

Творил пред очами Господними зло,
Травмировал женскую психику.
Ну, Бог на Онана озлился зело,
Прибрал рукоблуда по—тихому.

(А может, как раньше — отвар ревения
И горечь со вкусом отмищения?
Тяжёлая мысль посещает меня —
Случайностей нет в совпадениях.

Хорошим истории мог быть итог,
Проведай Онан в те мгновения:
Что женщина хочет — того хочет Бог.
Какие теперь в том сомнения?

Когда ж ограничен ты в действе своём,
С любимой в разлуке, как многие,
С ней в мыслях своих остаёшься вдвоём.
Такая, брат, физиология.

Господь осуждает, но всё ж онанизм
Совсем не стихийное бедствие.
Онана библейского весь кретинизм
Не в семени был, а в бездействии).

Но первенца семя всё ж восстановить
От Шелы Иуда старается,
Желая сынка лишь слегка подрастить,
И внуков воспитывать в старости.

Фамари он молвил, невестке своей:
«Походишь пока дева вдовою,
Иди в дом к отцу, ни о чём не жалея,
Жизнь с Шелой начнёшь стопудовую.

Куплю вам квартиру отдельную я,
Отдам внука в школу балетную»...
А сам испугался — его сыновья
Недолго живут с этой ведьмою.

А ведьма пока собрала узелок,
В одежды вдовы облачённая,
При доме отца заняла уголок
Учить свою магию чёрную.

Прошло много времени, милого нет,
Ни вдового, ни разведённого.
Забыли о ней деверь, свёкор и дед
Сыночка, ещё не рождённого.

Дедули в проекте жена умерла,
Её добрым словом помянем мы.
Иуда сорвался, с тоски в три горла
Пил с другом Одолламитянином.

Пошли они в Фамну на стрижку овец
(Скорей, протрезветь и развеяться).
Фамарь подзывает поближе отец:
«Впустую на свёкра надеяться.

Его самого вижу с овцами здесь,
А Шелу, сыночка не вижу я».
Услышав ту весть, совершить свою месть
Задумала шельма бесстыжая.

Одежду упрятав вдовства своего,
Лицо скрыв по самые ноженьки,
Себя покрывалом укрыв с головой,
Уселась она при дороженьке.

(А наши гуляют всюду взад-вперёд,
По максимуму обнажаются,
Мужик отвернётся иль, сплунув, пройдёт —
Они ещё и обижаются.

В профессии древней на выставке плеч
Участницы вы, а не зрители.
Охочих завлечь — важно тайну сберечь:
Лица чтоб подольше не видели).

Иуда не видел, Фамарь не узнал,
Невестку почёл за блудницу он,
На взгляд похотливый её нанизал.
Мужские разыграли амбиции.

Гай Юлием Цезарем гордо сказал:
«Войду я к тебе победителем!»
А у самого голова что казан,
Пивка бы секс—символу выпить бы.

— «Что дашь мне, красавчик, за то, что войдёшь?»
— «Пришлю я из стада козлёночка».
— «А ну как обманешь, как все, не пришлёшь?» —
Залог попросила девчоночка.

Пока он в экстазе одежды срывал,
Песок заметал и попёрдывал,
Ей трость с набалдашником он передал
В залог обещания твёрдого.

Когда же до женских дошёл панталон
Изящных, манящих и в лютиках,
Печать факсимильную передал он
И прочую дел атрибутику.

Косила Фамарь, отводила глаза,
Лицо к свёкру прятала в бороду.
Когда бы Иуда невестку б узнал,
Летел бы он голым по городу,

А так — дело сделал. Фамарь в добрый час
Припрятала трость с набалдашником,
Во вдовьи одежды опять облачась,
Пошла своё чадо вынашивать.

Блуднице прислал молодого козла

Чрез друга Одолламитянина
Иуда, залог чтобы та отдала,
И к чёрту все воспоминания.

Забыл я сказать, друга звали — Хира.
С козлом нагулялся он досыта.
Блудницу Хира не нашёл нихера,
За грубость, прости меня Господи.

Приходит обратно к Иуде дружбан:
«Есть все основания проставиться.
Давай-ка, старик, зачинай новый жбан
Пить честь безкозливой красавицы».

Иуда расстроен — теперь засмеют,
Козла приплетут, трость и лютики,
И сказки пойдут, как Иуда за блуд
Лишился своей атрибутики.

Прошла пара месяцев с лишком и вот
Становится наглым нескромное —
Растёт у вдовы неутешной живот,
Бедняжку тошнит от скромного.

Сказали Иуде: Попал ты впросак —
От блуда невестка беременна.
Онан, ейный муж, годы на небесах,
Покинувший мир преждевременно.

А хоть бы и жил — блуд жены налицо,
Конкретные есть опасения.
Не мог и при жизни Онан быть отцом,
Проблемы испытывал с семенем.

Нанюхалась шельма отваров из трав
И тронулась от воздержания,
И то, что Онан был при жизни неправ,
Не служит её оправданием.

(Когда скорым поездом смерть понесёт,
Из всех провожавших на станции

Кто камень в окно, как в блудницу, швырнёт
В загробную нашу субстанцию?

Хранит от живых Бог усопших всех стран,
Как дел результат от намерений.
И будь ты по жизни последний Онан,
Велик ты в ином измерении.

В истории мост перекинут уже
От мистики к пошлой мистерии —
Беременных здесь собираются жечь,
А я о высокой материи).

Иуда сказал: «Будем жечь, где же жгут?
Отметим сей праздник петардами».
Но если за блуд провинившихся жгут,
То как быть с двойными стандартами?

Иуда на смерть полюбовницу шлёт,
Огниво подносится к жгутику...
И тут из одежды Фамарь достаёт
Иудиных дел атрибутику:

Печать, перевязь, с набалдашником трость.
Озвучено вслух заявление:
«Беременеть мне в этот раз довелось
С высокого соизволения.

Вот вещи, признает их кто — от него
Ребёнок в утробе шевелится...»
Устроила свару, а всё оттого,
Что вырос Шела, а не женится.

Когда бы Фамарь получила козла
С Иуды, а не амуницию,
Сожгли бы беременную не со зла,
А из уваженья к традиции.

Сыскарь, что дела по разврату ведёт,
Проводит вещей опознание.
Припёртый вешдоком Иуда даёт

Признательные показания.

«Правее меня оказалась она,
Вдовство раз её не кончается».
Так линию брата продлил не Онан,
А батя его, получается.

Иуда законным отцовство признал,
К Фамари не хаживал более.
Обиделся, может, старик за козла,
А может, сама отфутболила.

При родах близняшки в утробе дрались,
Платформы у них были разные.
Ручонку наружу взметнул коммунист
И был награждён лентой красною —

На кисть навязали бардовую нить
Отметить мальчонку как первенца,
А он умудрился её схоронить,
В утробе сидит и не телится.

Не хочет на свет появляться малец,
Во всём видит он провокацию,
Дней тёмных предвидя ближайший конец,
В подполье ведёт агитацию.

Наверное, диспут организовал,
Как можно рожать и не мучиться,
И так призывал, что совсем опоздал
К раздаче паёв на имущество.

Глава 39 Иосифа подставила жена начальника

Иосиф (не Сталин, тот с рабством — борец,
Всю жизнь проходил в одном кителе),
Иакова сын угодил во дворец
К начальнику телохранителей.

Был тот Потифар интриган, хлеще нет,
Оправдывал, в целом, доверие.
Портрет бы поставить его в кабинет
Наркома Лаврентия Бери.

До женского пола — такой же герой
(Кобель похотливый, по—нашему).
И юношей любят на службе порой,
Наскучив женой, секретаршами.

(Будь со мной, будь со мной,
Будь со мной всегда ты рядом...
В наши дни рефрен такой
Всюду слышится с эстрады).

Предвидя любую начальника блажь,
Иосиф жил у Египтянина,
Успешен в делах, наработывал стаж
И в сыске хорош и в дознании.

Начальник Иосифу то поручал,
О чём говорить мне не хочется.
Про всех царедворцев он знал без врача —
Что пьют по утрам и чем мочатся.

Подробности эти проведая про всех,
Он думал не без огорчения:
Чем выше судьба нас заносит наверх,

Тем низменной наши влечения.

Топ—менеджером стал по службе своей
Иосиф в доме Египтянина,
И шастал с ключами от разных дверей
Начальником в доме хозяина.

Но сбила судьба с управленца картуз,
Счастливая жизнь дала трещину.
Причина одна, как сказал бы француз:
В несчастье любом ищи женщину.

Красивый, смышлёный, улыбкою бел
Иосиф был обворожительным,
Что тоже бывает, представьте себе,
Достоинством крайне сомнительным.

Хозяин к Иосифу благоволит,
А баба по Осеньке тащится,
За глупости, тварь, ущипнуть норовит,
На прелести парня таращится

И прямо сказала ему: «Спи со мной!»
К ребёнку лишь так обращаются.
Всему обрезание стало виной —
Как это у них получается

У этих евреев, не зря ж говорят,
Какие они сексопильные?
А по наслажденью их тайный обряд
Заменит любое насилие.

(Спи со мной, спи со мной,
Спи со мной всегда ты рядом...
В наши дни рефрен такой
Всюду слышится с эстрады).

Иосиф не маленький, спать с ней не стал,
Иная профорентация —
Все силы работе по дому отдал,
Чем ввергнул хозяйку в прострацию.

На красную шапочку парня зело
Волчица та пачку раззявила,
А он всё одно — про великое зло
Пред Богом и перед хозяином.

Она же к нему пристаёт, день за днём
С идеей навязчивой носится.
С большим самолюбием игры с огнём
Добром, как известно, не кончатся.

Что мымры каприз не исполнил сполна,
Получит Иосиф по чайнику.
Особенно, если та мымра — жена
Высокого военачальника.

Однажды под вечер, в дому никого,
Иосиф с делами замешкался.
Как вихрь налетела она на него
Одежды срывать дурой бешеной.

«Ложись, мент, со мною, а то оторву»...
Что ждать от оторвы рассерженной?
Припомнил Иосиф, как раньше во рву,
Лежал он раздетый, подержанный.

(Ляг со мной, ляг со мной,
Полежим с тобой мы просто...
В наши дни рефрен такой
Можно слышать от подростков).

Иосиф скучал, по башке получив,
Раздет до трусов, мама родная...
Внезапно очнулся, момент улучил
Рванул из дворца огородами.

Синицей из рук он исчез в облаках,
Утёк, как невольник с плантации.
Остались у мымры охочей в руках
Его панталоны цветастые.

Хозяйка орёт, как беременный лев,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.